

Защита прав ребенка: законодательство и правоприменительная практика

Защита прав ребенка в современной России относится к числу актуальных проблем, порожденных явным неблагополучием в положении несовершеннолетних детей как в обществе, так и в семье. И трудно сказать, в чем причина такого неблагополучия и кто виноват в этом в первую очередь - государство или семья. Несомненно, виноваты и те, и другие. Причем очевидно, что декларируемый интерес государства к детям тесно переплетается с бесспорным фактом потери семьей своего авторитета, ослабления семейных устоев, когда традиционные защитные функции семьи сходят на нет или превращаются в свою противоположность, перерождаясь в серьезную угрозу для незрелой личности ребенка. Иными словами, есть все основания считать, что дети в опасности. Это обстоятельство обязывает перейти от лозунгов, адресованных всем и каждому, как физическим, так и юридическим лицам, к более четким по смыслу и содержанию правовым предписаниям, способным при необходимости на деле помочь ребенку.

Особое место в системе мер поддержки детей занимают нормы права, закрепляющие возможность использования всех существующих в реальной действительности мер и способов обеспечения нормального духовного и физического развития ребенка. Тем более что Конвенция ООН «О правах ребенка» 1989 г. содержит следующее положение: «Государства-участники уважают и обеспечивают все права, предусмотренные настоящей Конвенцией за каждым ребенком» (п. 1 ст. 2). Озабоченность по поводу воплощения прав ребенка в действительность, проявленная на международном уровне, понятна, ибо мировое сообщество обеспокоено состоянием будущих поколений, их способностью на должном уровне поддерживать жизнь человека.

Таково в самом общем виде объяснение важности правовых проблем обеспечения интересов несовершеннолетних граждан. Причем речь идет о широкой гамме правовых средств защиты ребенка, тем более что их предпосылкой являются неодинаковые по своей отраслевой принадлежности законодательные акты, каждый из которых так или иначе, прямо или косвенно служит или может служить правовым инструментом, защищающим права детей.

Однако сама по себе тема защиты прав ребенка ассоциируется прежде всего с семейным правом, Семейным кодексом РФ, несмотря на то что его ст. 2, определяющая круг отношений, регулируемых семейным законодательством, специально не выделяет защиту прав ребенка. Она как бы растворена в регулировании личных (неимущественных) и имущественных отношений членов семьи, в состав которой, естественно, входят и несовершеннолетние дети. То же можно сказать о форме и порядке устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей.

Сложность защиты прав ребенка состоит не только в употреблении различных по своей отраслевой принадлежности правовых норм, но и в комплексном характере самого семейного права. Его основу составляют и так называемые нормы

материального права, и правила административно-правовые, и предписания сугубо гражданско-процессуального характера. С другой стороны, защищают права ребенка нормы, которые принято относить к частноправовым либо к публично-правовым. Чаще всего они взаимодействуют, дополняя друг друга, когда речь идет о конкретных способах защиты прав ребенка, в чем непосредственно заинтересовано государство в лице органов опеки и попечительства.

Особенно это заметно, если речь идет о защите прав несовершеннолетнего, почему-либо попавшего в неблагоприятную семейную ситуацию или оставшегося вообще без семьи. Вместе с тем нетрудно заметить, что все семейно-правовые нормы, посвященные несовершеннолетним детям, пронизаны одной идеей – идеей приоритетной защиты интересов ребенка. Что же касается самих прав, то лидирующее место среди них занимает право ребенка жить и воспитываться в семье (п. 2 ст. 54 СК РФ). Это право служит как бы общим знаменателем при разрешении проблем, связанных с семейным воспитанием.

Налицо не простое отражение требований Конвенции ООН о правах ребенка, а результат коренного пересмотра существовавших ранее идеологических установок, когда роль семьи не принималась во внимание, всячески обесценивалась, что сказалось на многих поколениях людей. Теперь же, когда семья стала объектом охраны на конституционном уровне (ст. 38 Конституции РФ), нелегко вернуться к прежним ценностям даже в области защиты прав ребенка. Вот почему так важно превратить семейное законодательство в действенный инструмент защиты интересов несовершеннолетнего. Отсюда и необходимость критического осмысления действующего Семейного кодекса. Его реализация уже позволяет обратить внимание на определенные изъяны, пробелы и недоработки, проявившиеся в правоприменительной практике. А если учесть, что последние годы были непростыми для Российской Федерации из-за серьезных социально-экономических перемен в обществе, отразившихся и на представлении о семье, о родительских правах и обязанностях, о детях, то становится ясно, как велики требования именно к семейному законодательству.

Не случайно поэтому на различных конференциях, совещаниях, посвященных проблемам детей, все чаще звучат упреки в адрес семейного законодательства, которое якобы нуждается в коренной переделке в связи с его несовершенством, что служит причиной катастрофического положения детей в современной России. При этом основной акцент делается на недостаточно жесткой позиции Семейного кодекса в отношении родителей, не обеспечивающих полноценную защиту прав ребенка в своей семье.

И здесь следует сразу же сказать, что проблема ужесточения закона для тех, кто его должным образом не исполняет, относится к числу непростых и дискуссионных проблем. Причем ее сложность многократно возрастает, когда приходится иметь дело с родительскими правами и обязанностями, правомерное исполнение которых, как правило, служит залогом успешной защиты прав ребенка, связанных с его семейным воспитанием. Вот почему сторонники усиления ответственности родителей за своего ребенка, во-первых, затрагивают вопросы, имеющие прямое отношение к семейно-

правовой ответственности за ненадлежащее семейное воспитание ребенка, и во-вторых, игнорируют специфику семейного права. Кроме того, они рассматривают проблемы, относящиеся к материальному обеспечению родителями интересов ребенка, вне связи с действительностью.

Каждая из перечисленных позиций нуждается в специальном рассмотрении.

В качестве меры ответственности за ненадлежащее семейное воспитание в Семейном кодексе предусмотрено лишение родительских прав, представляющее собой особую, предельно высокую меру семейно-правовой ответственности, применение которой ведет к полному прекращению правовой связи ребенка с его родителями (сохраняется лишь обязанность родителей платить алименты). Отсюда следует необходимость изоляции ребенка от лица, утратившего свои родительские права по суду. Это порождает сложную жилищную ситуацию, одним из реальных способов решения которой является выселение такого лица с занимаемой им жилплощади без предоставления ему другого жилого помещения. То есть бывшие родители утрачивают самое высокооцениваемое социальное благо – жилье. В результате лишение родительских прав становится еще более жесткой мерой ответственности. Но нельзя забывать, что с лишением родительских прав гражданин сохраняет свое конституционное право на жилище. К тому же в увеличении числа лиц без определенного места жительства государство никак не заинтересовано. Поэтому выходом из создавшегося положения могло бы быть лишь выселение таких лиц с предоставлением им другой, худшей жилой площади.

Таким образом, количество семейно-правовых способов ужесточения ответственности в результате лишения родительских прав ограничено рамками ст. 71 СК РФ, предусматривающей последствия лишения родительских прав. Вводить же уголовную ответственность за нарушение права ребенка на надлежащее воспитание в семье вряд ли уместно с любой точки зрения. Поэтому не остается ничего другого, как активизировать профилактическую деятельность по «спасению» детей главным образом с помощью борьбы с алкоголизмом и наркоманией – главными виновниками семейного неблагополучия, бедственного положения детей в семье.

Еще одно уязвимое место Семейного кодекса РФ некоторые авторы видят в несовершенстве правового регулирования алиментных обязательств родителей. Однако, как показывает практика, дело здесь в основном в процедуре исполнения решения суда в делах данной категории, в незаинтересованности судебных приставов-исполнителей (деятельность которых семейным законодательством вообще не регулируется) в исполнении решения суда. Увеличение же доли взыскиваемых алиментов свыше 50% заработка (дохода) лица, обязанного к выплате, чревато серьезными неблагоприятными последствиями. Во-первых, это вызвало бы рост числа лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, во-вторых, привело бы к полному отчуждению детей и родителей друг от друга, что само по себе грозит возникновением более серьезных проблем, связанных с противостоянием между старшим и младшим поколениями. Вместе с тем в Семейном кодексе оказались забытыми интересы добросовестных родителей, готовых на основе поданного ими заявления добровольно заботиться о материальном обеспечении своих детей, что было предусмотрено ранее в

ст. 89 Семейного кодекса РСФСР, устанавливавшей выплату алиментов лично лицом, обязанным платить алименты, либо через администрацию по месту его работы или получения им пенсии, стипендии.

Предлагается еще один, казалось бы, возможный канал усиления семейно-правовой ответственности. Это возложение вины за все происходящие в семье события негативного плана на семью и ее членов. При этом не учитывается, что, во-первых, семья как таковая, не будучи субъектом права, не может нести ответственность и, во-вторых, семейное законодательство не всеильно и нельзя не учитывать его особенностей и потенциальных возможностей, особенно когда приходится иметь дело с правовым воздействием на личные отношения.

Таким образом, постановка вопроса о полной несостоятельности Семейного кодекса неосновательна.

Одним из существующих направлений усиления защиты прав и интересов ребенка, по нашему мнению, является принятие новых законодательных актов, затрагивающих наиболее важные сферы жизни несовершеннолетнего. Речь идет о следующих Федеральных законах: от 21 декабря 1996 г. «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»². Их объединяет общая цель, состоящая в укреплении правовых предпосылок защиты прав ребенка, что по идее не может вызывать возражений. Но всякий закон остается таковым, если он отвечает определенным требованиям, чего нельзя сказать в данном случае. Здесь скорее всего налицо декларации, изобилующие общими положениями, похожими на лозунги, в которых «тонут» конкретные правовые предписания, предназначенные для защиты прав ребенка. К тому же далеко не все содержащиеся в этих законодательных актах предписания сопровождаются указанием на наступление конкретного вида ответственности за их неисполнение. Вот почему эти акты недостаточно эффективны. Они создают лишь иллюзию благополучия в законодательной сфере, относящейся к защите прав несовершеннолетнего.

Конечно, со временем число законов, предназначенных для защиты прав ребенка, возрастет. Но дело не в их количестве. Важно, чтобы они были именно законами со своей присущей им спецификой. С другой стороны, их следует нацеливать на решение задач не только сегодняшнего дня, но и на ближайшую перспективу. Во всяком случае новые семейно-правовые акты не должны быть тормозом в деле развития цивилизованных отношений, связанных с правильно понимаемой и имеющей приоритетное значение защитой прав ребенка, что непосредственно относится к качеству подрастающего поколения. Именно под таким углом зрения следует критически оценивать действующий СК РФ, который, естественно, безупречным в своих деталях быть не может, ибо только годы испытывают любую правовую норму на прочность, только со временем обнаруживаются ее отдельные недостатки. Вот почему рассматривать конкретные положения, связанные с защитой прав ребенка, следует не абстрактно, а в прямой связи с правоприменительной практикой. Причем замечания в адрес СК РФ и отдельных его предписаний полезно сгруппировать, особо выделив наиболее важные из них. Сюда можно отнести направления, которые связаны, во-

первых, с существующими пробелами в регулировании отношений по защите прав ребенка Кодексом; во-вторых, с наличием норм, затрудняющих защиту интересов ребенка в семейно-правовой сфере; в-третьих, с наличием в СК РФ неработающих правил.

Согласно п. 1 ст. 1 СК, к основным началам семейного законодательства относится следующее положение: «Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства». Так, суммируются ч. 2 ст. 7 и ч. 1 ст. 38 Конституции. В прежнем же Семейном кодексе РСФСР говорилось о всемерной охране интересов матери и детей и об обеспечении счастливого детства каждому ребенку. Таковой виделась одна из основных задач семейного законодательства. При всей ее архаичности она все-таки по смыслу была ближе к осуществляемой с помощью Семейного кодекса защите прав ребенка, тогда как в СК РФ говорится о защите детства. Между тем детство - это особый период в развитии человека, падающий на первые годы его жизни. И защищается оно прежде всего нормами административного права, связанными с охраной здоровья ребенка, а также нормами трудового права. Защита прав ребенка и охрана детства – не тождественные понятия. Причем одним из важнейших прав несовершеннолетнего является его право на охрану детства. Отсюда может следовать вывод о существовании в общих положениях существенного пробела, затрудняющего защиту прав ребенка семейным законодательством, поскольку в Семейном кодексе отсутствует правовая основа такой защиты, не отражается принципиально важная идея, пронизывающая многие его статьи.

Еще одним немаловажным пробелом можно считать отсутствие в разд. VII СК РФ специальной статьи, посвященной защите прав ребенка-иностранца, оказавшегося без семьи на территории России. Правда, ч. 3 ст. 62 Конституции гласит: «Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации». Однако для защиты прав ребенка-иностранца этого мало. Тем более что в гл. 18 разд. VI СК, посвященной выявлению и устройству детей, оставшихся без попечения родителей, никаких исключений на этот счет не сделано и надо полагать, что дети-иностранцы не могут оставаться беззащитными, даже если речь идет об их социальном устройстве. К тому же СК обязывает органы опеки и попечительства осуществлять весь комплекс защитных действий по фактическому месту нахождения ребенка (п. 3 ст. 56). Мало того, п. 1 ст. 123 СК предлагает при устройстве несовершеннолетнего, оставшегося без попечения родителей, учитывать его этническое происхождение, принадлежность к определенной религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения преемственности в воспитании и образовании. О гражданстве здесь ничего не говорится. Поэтому необходимо в СК упомянуть о защите прав особой категории детей, оказавшихся почему-либо в бедственном положении в чужой стране. Отсутствие соответствующей правовой нормы оставляет детей-иностранцев на произвол судьбы, служит основанием для отказа от его устройства в российскую семью и даже в детское учреждение. Как показывает практика, именно эти дети (особенно граждане СНГ) пополняют ряды беспризорников.

По понятным причинам в СК РФ уделяется внимание такой форме защиты прав ребенка, как передача на усыновление. Но даже тщательно выверенное усыновление не дает стопроцентной гарантии того, что о судьбе ребенка отныне можно не беспокоиться. Поэтому Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2000 г. «Об утверждении Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства»¹ установлен порядок контроля за условиями воспитания усыновленных детей. Если они переданы на усыновление в другое государство, этот контроль осуществляют консульские учреждения Российской Федерации. Однако и здесь, как показывает правоприменительная практика, не все обстоит так, как хотелось бы. Примером могут служить пусть даже единичные случаи гибели усыновленных детей от рук усыновителя. Есть все основания для вывода о несовершенстве закона, об определенных пробелах в механизме реализации подобного рода контроля, которые следует устранить с помощью законодательства, и не только семейного.

Многие годы позорным пятном нашего законодательства было отсутствие возможности установить отцовство как в судебном, так и в упрощенном порядке. Поэтому ребенок, рожденный вне брака, не мог быть приравнен к детям, чьи родители сочетались браком. Налицо пример их правовой незащищенности. Не изменилось коренным образом их положение и с принятием Семейного кодекса РСФСР 1969 г., разрешающего установление отцовства при наличии определенных довольно жестких условий, которые вышестоящими судебными органами трактовались с ограничительным уклоном. Современный Семейный кодекс РФ, подчиняясь требованиям Конвенции ООН о правах ребенка, снял эти ограничения. Что же касается предусмотренной ст. 51 СК РФ записи родителей ребенка в книге записей рождений, то существующие на этот счет правила отличаются неопределенностью, так как трудно сказать, идет ли речь об обязанности матери несовершеннолетнего избавить своего ребенка от пресловутого прочерка в основном его документе – свидетельстве о рождении – или все зависит от ее усмотрения. Поэтому на практике все еще встречаются свидетельства о рождении, обезображенные таким прочерком. Конечно, в данной ситуации существует коллизия интересов матери и ребенка. Но приоритет интересов ребенка все-таки бесспорен. Вот почему п. 3 ст. 51 СК РФ нуждается в дополнении, обязывающем мать при регистрации рождения своего ребенка не оставлять незаполненной графу о его отце.

Говоря о семейно-правовых нормах, затрудняющих защиту интересов ребенка, следует обратить внимание прежде всего на п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 г. «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов», где говорится, что «в отношении детей, родившихся до введения в действие Семейного кодекса РФ, суд, решая вопрос об отцовстве, должен руководствоваться ч. 2 ст. 48 КоБС РСФСР».

На наш взгляд, с этим нельзя согласиться. Установление отцовства имеет прямое отношение к семейно-правовому статусу ребенка, обретаемому им со дня рождения. Непосредственная связь этого статуса с семейным воспитанием бесспорна. Семейное же воспитание ребенка - ддящийся процесс, берущий начало с момента его появления на свет. Поэтому можно говорить об имеющемся нарушении ч. 2 п. 1 ст. 169 СК РФ, согласно которой «по семейным отношениям, возникшим до введения в действие настоящего Кодекса, его нормы применяются к тем правам и обязанностям, которые возникнут после введения его в действие». Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ по данному вопросу вышел за пределы своей компетенции, и не на благо ребенка, а наоборот – ему во вред.

К действенным способам защиты прав ребенка относится передача его на усыновление. Тем более что данная форма устройства детей относится к числу предпочтительных с любой точки зрения. Однако СК РФ, с одной стороны, облегчает условия усыновления, а с другой -создает на его пути препятствия. Например, в ряде случаев допускается усыновление без согласия родителя или, напротив, не разрешается быть усыновителем лицу с низким уровнем заработка.

Нет сомнений в том, что установление усыновления только в судебном порядке способствует более ответственному отношению к серьезным переменам в жизни ребенка. Поэтому СК РФ не только изменил порядок усыновления, но и ужесточил некоторые его условия.

Пункт 1 ст. 125 СК РФ, предусматривающий рассмотрение заявления об установлении усыновления только судом, распространяется на все категории усыновителей, в состав которых входят мачехи (отчимы), т.е. члены семьи, где уже находится ребенок. И следует отметить, что на практике число усыновлений названными лицами превосходит число усыновлений посторонними для несовершеннолетнего заявителями. Прохождение последними судебной процедуры усыновления понятно. Но вряд ли ее нужно распространять на тех, кого отец или мать сами выбрали в качестве родителя. А формальные препятствия к усыновлению в данном случае могут парализовать добрые намерения того, кто хочет изменить характер правоотношений со своим, по сути дела, воспитанником. В связи с этим необходимо обратить внимание на ст. 127 СК, запрещающую усыновление лицам, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять родительские права. Перечень таких заболеваний дан в Постановлении Правительства РФ от 1 мая 1996 г. 1 Он отличается достаточной широтой. Но если большинство перечисленных в нем заболеваний бесспорно препятствует усыновлению ребенка посторонним ему лицом, то иначе обстоит дело, когда речь идет об отчине (мачехе), которых постигла беда в виде инвалидности, тяжкого и даже смертельного заболевания. Разве можно запретить человеку, подводящему итог своего жизненного пути, усыновить того, кого он считал и считает своим ребенком, тем более если такое усыновление соответствует интересам усыновляемого? Иначе говоря, для усыновления отчимом (мачехой), выступающим в роли усыновителя, следует устанавливать иные показатели его здоровья.

Федеральный закон от 27 июня 1998 г. дополнил ст. 127 СК РФ еще рядом ограничений, касающихся усыновления. Речь идет о случаях:

а) отсутствия у усыновителя дохода, обеспечивающего усыновляемому ребенку прожиточный минимум. Это означает, что бедному человеку, какими бы прекрасными качествами он ни обладал, быть усыновителем нельзя. Если усыновитель – чужое ребенку лицо, в таком решении вопроса есть свой резон, но его нет, когда об усыновлении просит отчим (мачеха), тем более что источником существования семьи может служить продукция, получаемая от натурального хозяйства. При такой ситуации гуманнее и экономически выгоднее государству не только разрешить усыновление, но и выплачивать усыновителю на усыновляемого ребенка ежемесячное государственное пособие, превосходящее по своим размерам пособие, выплачиваемое гражданам, имеющим собственных детей. А самое главное – сократилось бы число детей, которые воспитываются в детском учреждении, со всеми вытекающими отсюда последствиями;

б) отсутствия у усыновителя жилого помещения, отвечающего установленным санитарным и техническим требованиям. И опять-таки такой запрет понятен (хотя и не всегда), если ребенка берут в новую для него семью. Здесь ощутимым для усыновления стимулом могла бы стать постанова на льготный учет для улучшения жилищных условий семьи, усыновившей ребенка. Что же касается отчима (мачехи), чьи жилищные условия не отвечают установленному стандарту, то существование подобного препятствия для усыновления не в интересах семьи и ребенка, права которого не будут защищены.

Таким образом, при установлении дополнительных препятствий на пути усыновления законодатель руководствуется сугубо формальными соображениями, определяя обязательные во всех ситуациях правила и усиливая императивный характер правовых норм, связанных с действительной защитой прав ребенка, отчего проигрывают государство, семья и дети.

Казалось бы, что идея приоритета интересов ребенка бесспорна. Тем не менее СК РФ иногда ей противоречит, устанавливая запреты там, где их быть не должно. Так, согласно п. 6 ст. 71 СК РФ, запрещается передача на усыновление детей до истечения шести месяцев с момента вынесения судебного решения о лишении родительских прав. При этом не учитывается то обстоятельство, что лишение родительских прав – это крайняя мера, к которой прибегают, когда трудно рассчитывать на перемены в облике родителя. С другой стороны, когда решается судьба маленького ребенка, а подчас и новорожденного, каждый день его пребывания в благоприятной семейной обстановке много для него значит. По сути дела, существующий запрет отдает предпочтение интересам лица, считавшегося родителем, а не ребенка, что противоречит существующим принципам семейного права и ведет к дискриминации права несовершеннолетнего на защиту.

Защита прав ребенка семейным законодательством безусловно затрудняется тем, что в СК РФ содержатся неработающие, «мертвые» нормы, создающие лишь иллюзию защиты прав несовершеннолетнего члена семьи в той или иной сложной ситуации. В качестве примера можно привести п. 2 ст. 64 СК РФ, согласно которому «родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В

случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей».

Разобраться в правовой природе данной статьи СК трудно. Однако можно предположить, что налицо разновидность ограничения родительских прав. Но где же тогда опасность оставления ребенка с родителями как обязательное условие ограничения родительских прав, предусмотренное п. 2 ст. 73 СК РФ? Что же касается такого «размытого» понятия, как противоречие интересов родителей и детей (а без этого в жизни не обходится), то вряд ли его наличие может служить основанием для назначения представителя интересов ребенка. К тому же неясно, кто этот представитель, каковы его правовой статус, характер правоотношений с законными представителями несовершеннолетнего. Вопрос этот не продуман, а потому и не имеет соответствующего правового оформления. Не случайно п. 2 ст. 73 СК РФ относится к «мертворожденным» нормам и на практике не применяется.

То же можно сказать и об одном из оснований лишения родительских прав - о совершении умышленного преступления против жизни или здоровья супруга (ст. 69 СК). Если преступление совершено на глазах ребенка, речь может идти о жестоком с ним обращении, заключающемся в нанесении ему тяжелой психической травмы. Когда преступление совершается одним супругом в отношении другого, это далеко не всегда бывает связано с родительскими правами и обязанностями. Вот почему и в этой части СК РФ «не работает».

Оба примера представляют собой автоматическое заимствование из законодательных актов других государств.

Еще один пример подражания без учета правовой культуры, степени законопослушания и других особенностей россиян – перенос акцента на алиментные соглашения, которые занимают заметное место в СК РФ, но не имеют широкого распространения на практике. Если согласие по вопросу об алиментах достигнуто, стороны обходятся миром, не тратя сил и средств на оформление существующих отношений. При возникновении же разногласий они прибегают к помощи суда. К сожалению, законодатель, увлекшись идеей всяческих достоинств алиментных соглашений, забыл о так называемом добросовестном плательщике алиментов, что никак не способствует развитию нормальных человеческих отношений при выполнении алиментных обязательств.

Примером неработающей правовой нормы является п. 2 ст. 24 СК, обязывающий суд по собственной инициативе определять, с кем из расторгающих брак родителей будут проживать их несовершеннолетние дети, если на этот счет нет соответствующего соглашения либо оно нарушает интересы детей. Налицо принудительное вторжение в сферу личных отношений, продиктованное якобы необходимостью защитить права ребенка. На практике подобное предписание нужного эффекта не дает и дать не может, ибо родители все равно поступят так, как сочтут нужным. Если же суд придет к выводу, что один из родителей нарушает интересы несовершеннолетнего, он всего лишь вправе сообщить об этом в органы опеки и попечительства для принятия в случае

необходимости мер, защищающих ребенка. Поэтому п. 2 ст. 24 СК РФ лишь создает иллюзию заботы о детях, что на деле затрудняет семейно-правовую защиту ребенка.

К числу правовых норм, не просто затрудняющих защиту ребенка, но и противоречащих целям и задачам семейного законодательства, относятся также некоторые положения Гражданского кодекса РФ. Как известно, ГК РФ снизил возрастную планку гражданской дееспособности с 15 до 14 лет. Это обстоятельство, естественно, нашло отражение во многих законодательных актах разной отраслевой принадлежности. Сказалось оно и на ч. 2 п. 2 ст. 13 СК РФ, позволяющей субъектам Федерации своими законами устанавливать порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет. Но одно дело возможность вступать в гражданско-правовые отношения, другое – давать добро (даже в исключительных случаях) на вступление в брачные отношения, чреватые рождением ребенка, позволяющим заключить брак в столь раннем возрасте. Параллели здесь не уместны, чреваты далеко идущими неблагоприятными последствиями с любой точки зрения.

Еще одним свидетельством того, что не учитываются цели и задачи семейного права, служит ст. 1075 ГК РФ, предусматривающая ответственность родителей за вред, причиненный несовершеннолетним. Эта ответственность возлагается на лиц, утративших родительские права по суду, лишь в течение трех лет после вступления решения суда о лишении родительских прав в силу с оговоркой: если поведение ребенка, повлекшее причинение вреда, явилось следствием «ненадлежащего осуществления родительских обязанностей». Однако чаще всего дефекты в семейном воспитании возникают в раннем детстве и дают о себе знать спустя многие годы. Поэтому ст. 1075 ГК РФ, перенося полностью гражданско-правовые требования на сферу семейных отношений, умаляет роль ответственности по семейному праву, что никак не способствует защите интересов ребенка семейным законодательством.

Таков далеко не полный перечень уязвимых с точки зрения защиты прав ребенка мест в тексте Семейного кодекса РФ. Причем обнаруживают они себя в процессе правоприменительной деятельности, играющей особую роль в выявлении недостатков правовых норм.